Последнее мое замечание касается грамматического аспекта словаря. Русско-молдавский словарь предназначен не только для людей, одинаково хорошо владеющих обоими языками, поэтому необходимо было дать в качестве приложения краткие грамматические очерки (схемы) русского и молдавского языков. Кроме того, нужно было снабдить молдавские существительные и глаголы, имеющие отклоняющиеся формы склонения и спряжения, соответствующими указаниями (в отношении русских слов это сделано). Действительно, как можно определить, не владеет ли активно молдавским языком, литературно-правильные формы спряжения глагола *a trebui* «нуждаться», если народно-разговорная речь даст три варианта: *ea trebuie*, *ea trebuieste*, *ea trebuieaz*?

Итак, новый русско-молдавский словарь имеет свои положительные стороны, но есть в нем и недостатки.

В целом словарь следует оценить положительно. Новым русско-молдавским словарем будут пользоваться сотни и тысячи читателей — переводчики, журналисты, партийные работники, учащиеся и преподаватели средних и высших учебных заведений, работники сельского хозяйства и промышленности. Постоянно пользуясь словарем, читатели смогут выявить его нескрытые ошибки и недочеты, а их, конечно, немало в таком капитальном труде. Задача Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР — внимательно изучить мнения и замечания читателей. Критическое использование этих замечаний и указаний поможет Институту и Издательству в последующих изданиях довести словарь до того высокого лингвистического уровня, который присущ большинству наших советских словарей.

Р. Г. Пиотровский

«Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков». Под ред. М. А. Ширалиева и С. А. Джафарова.—Баку, Изд-во Азерб. гос. ун-та им. С. М. Кирова., 1954. 398 стр.

Можно констатировать все возрастающий интерес к сравнительному изучению русского и национального языков в наших научных республиканских центрах. В последние годы одна за другой выходят сравнительные грамматики русского и национального языков в Татарии, Башкирии, Чувашии¹ и Азербайджане.

«Сопоставление систем двух языков, например русского и какого-нибудь другого из национальных языков Советского Союза», — отмечает В. В. Виноградов, — является ценным методическим приемом обучения языку с иным грамматическим строем².

Действительно, сравнение и сопоставление двух языков широко применяется и дает свои положительные результаты при обучении языкам в школах и вузах. Следует, однако, указать на относительную неразработанность методики составления сравнительных грамматик русского и национального языков. Нам представляется, что при сравнении двух языков, русского и национального, следует учитывать как специфические особенности каждого из сопоставляемых языков, так и то общее, сходное, что наблюдается между ними по линии фонетики, морфологии и синтаксиса. Такая методика, которая совмещает в себе учет специфического и общего между сопоставляемыми языками, далеко не всегда последовательно проводится авторами сопоставительных грамматик, в частности и авторами рецензируемой нами сравнительно-сопоставительной грамматики русского и азербайджанского языков.

Это наше общее замечание, как покажет дальнейшее изложение, будет касаться не всех разделов настоящей грамматики. Хочет отметить, что некоторые разделы рецензируемой работы построены методически удачно и не вызывают у нас возражений. С учетом специфических особенностей каждого из сопоставляемых языков дается раздел «Категория грамматического рода имен существительных» (стр. 43—48), в котором вскрывается специфика обозначения категории рода в русском и азербайджанском языках. В разделе, посвященном категории принадлежности (стр. 80—82), автор не ограничивается тем, что дает простое соответствие формантов этой грамматической

¹ Р. С. Газизов, Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков, Казань, 1952; Р. Н. Терегулова и К. З. Ахмеров, Сравнительная грамматика русского и башкирского языков, Уфа, 1953; Н. А. Резюков, Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков, Чебоксары, 1954.

² В. В. Виноградов, Развитие советского языковедения в свете учения И. В. Сталина, сб. «Сессия отделений общественных наук АН СССР, посв. годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языковедения“, М., 1951, стр. 42.

категории в сравниваемых языках, а подробно останавливается на вопросах, касающихся степени продуктивности того или иного типа принадлежности, стилистических сфер его употребления и пр. Не вызывает возражений и раздел, посвященный грамматической категории числа имен существительных (стр. 48—55). Здесь вскрыты существенные особенности образования множественного числа в азербайджанском языке в отличие от русского языка.

Интерес представляет раздел, в котором ставятся вопросы соответствия и несоответствия сравниваемых языков по линии безличных предложений. Наконец, одной из положительных сторон рецензируемой нами грамматики является обилие в ней иллюстративного материала, почерпнутого из фольклора и разговорного языка, современной художественной и классической литературы Азербайджана.

Однако нам представляется более целесообразным остановиться подробнее на недостатках и упущениях в работе. Мы уже указали, что составители настоящей грамматики не всегда используют правильную методику при сравнении фактов обоих языков. Так, в разделе «Словообразование имен существительных» (стр. 82—111) благодаря тому, что за основу сравнения и сопоставления берется русский язык, не раскрывается в полной мере круг значений каждого словообразовательного элемента; словообразовательные средства азербайджанского языка автор этого раздела пытается уложить в схему средств русского языка. Раздел только выиграл бы, если бы изложение велось по линии выявления общего и специфического для сопоставляемых языков.

Ряд словообразовательных аффиксов азербайджанского языка выпал из поля зрения, так как они не улеглись в рамки русских аффиксов (аффиксы *-ғы, -ыш, -ғә, -ид, -мур, -ғәт*, и др.). Некоторые словообразовательные аффиксы трактуются под углом зрения русского языка. Говоря о соответствии русского суффикса *-тельн* аффиксу *-асы* (стр. 145), автор не останавливается на специфических его особенностях, а отождествляет его с аффиксом *-лы*. А далее мы читаем: «В азербайджанском языке в этом значении прилагательные с суффиксом *-тельн* выражаются глаголом страдательного залога вместе с суффиксом *-әсы, -әси* или существительным вместе с аффиксом *-ли/лу*. Так, «просительный» — *әвә олунасы* или *бағышланасы*; «позволятельный» — *әбул олунасы, йол вериләси; удивительный* — *тәәззублу»* (стр. 145). Однако читатель (будь то студент или переводчик) должен знать, что собой представляют эти 2 аффикса *-асы/-әси* и *-ли/лу*, в чем специфика каждого и какой в данном случае более продуктивен.

Нам неинтересен тот критерий, которым руководствуются в грамматике при выделении аффиксов, образующих имена прилагательные от глагольных основ. В рецензируемой работе, очевидно, смешивается грамматическое значение той или иной формы с ее синтаксической функцией. В раздел аффиксов, образующих имена прилагательные, и грамматико-отнесенные к ним формы на *-малы/мәли* и на *-ған*. На стр. 114 мы читаем: «В азербайджанских прилагательных приставок и окончаний не бывает, но могут быть прилагательные с аффиксами *-лы, -сыа, -ған*». Или дальше на стр. 146: «В азербайджанском языке прилагательные с этим суффиксом (имеется в виду суффикс *-тәли*) переводятся прилагательными с аффиксами *ызы/узы, малы/мәли*». Автор этих строк не учитывает, что как форма на *-ған*, так и форма на *-малы* может выступать в синтаксической функции определения, но это не означает, что их можно отнести к разряду аффиксов, образующих имена прилагательные.

Авторы опять-таки находят под влиянием по русскому случаю по азербайджанской грамматике, если форму *дәрунмәл* (в сочетании *дәрунмәл хәрәләр* «незаметные расходы») рассматривают как отглагольное прилагательное (стр. 141).

Вообще надо сказать, что словообразовательные аффиксы азербайджанского языка описываются более бедно, чем соответствующим им русские словообразовательные средства. Уделяя, к сожалению, им меньше внимания, авторы нередко не дают никаких указаний относительно их продуктивности и происхождения (стр. 115 — префиксы *би-, на-*; стр. 138 — аффикс *-и*; стр. 98 — аффиксы *-ғәр* и др.). Говоря о префиксах *би-, на-* в азербайджанском языке, следовало бы указать, от всех ли основ возможны образования с ними. Не ставится вопрос об аналитическом словообразовании. В разделе, посвященном сложным словам, авторы тоже исходят из русского языка. Не вскрыта специфика сложных слов в азербайджанском языке, не показано отличие сложных слов от синтаксических сочетаний.

Категория переходности опять-таки присутствует с точки зрения русского языка. Все сводится к наличию существительного или заменяющей его части речи в винительном падеже. Упускается из вида, что переходность глагола в русской и азербайджанской грамматике понимается по-разному. Для азербайджанского языка это понятие гораздо шире и под него можно подвести такие глаголы, управление которых винительным падежом невозможно с точки зрения русского языка (ср. *Мәңи пүл қәндәрән адам сабаһ қалғәжә* «Человек, которому я послал деньги, придет завтра»).

В грамматике следовало бы выделить лексико-смысловые разряды глаголов, управляющих теми или иными падежами. В разделе «Сложное предложение» мы читаем:

¹ Здесь и далее азербайджанские перечеркнутые *к* и *ч* передаются знаками *қ* и *з*.

«В бессоюзном сложносочиненном предложении связь между предложениями осуществляется при помощи интонации» (стр. 353). И дальше: «Придаточные предложения как в русском языке, так и в азербайджанском связываются с главным предложением при помощи подчинительных союзов и союзных слов» (стр. 355). Автор этого раздела не останавливается на таких средствах соединения главного и придаточного предложений, которые специфичны только для азербайджанского языка (ср. падежные аффиксы, послелоги, служебные имена).

Целый ряд грамматических категорий, характерных для азербайджанского языка, либо рассматривается очень поверхностно, либо совсем не рассматривается. Так, в грамматике не показана такая интересная для азербайджанского языка грамматическая категория, как категория долженствовательного наклонения. Правда, в перечне имеющихся наклонений в азербайджанском языке эта категория значится под термином «вазйб шекли» («обязательное наклонение»). Но в ходе изложения материала эта категория, к сожалению, отсутствует. В отличие от ряда других тюркских языков долженствование в азербайджанском языке имеет и специальные морфологические формы своего выражения (формы на-маллы/-мэли, асы/эси) и передается описательно (конструкция модального слова *хэрэк* с формой желательного, реже повелительного наклонения). Представило бы большой интерес, если бы авторы грамматики остановились на различиях в употреблении каждой из названных конструкций, показали возможные им соответствия на материале русского языка.

Не вскрыты особенности формы настоящего-будущего времени на -ар. О ней упоминается в грамматике вскользь и только как о форме «будущего времени» (стр. 198, 200). В разделе, в котором рассматривается употребление одного времени вместо другого, не указывается на употребление прошедшего времени вместо настоящего или будущего [ср. *Сэн данышмырсан мэн хетдим* «Раз ты не разговаривашь, то я ухожу» (дословно: «...я ушел») и пр.]

Не четок критерий, которым руководствуются авторы при выделении категории вида. На материале азербайджанского языка эта категория понимается слишком широко; под нее подводятся и некоторые деепричастные формы на -алы/-эли (стр. 210 и др.). Не вскрыта специфика образования вида аналитическим путем. Чисто лексические сочетания не отграничиваются от видовых. В разделе «Залог» (стр. 179—190) недостаточно внимания уделено характерным особенностям этой категории в азербайджанском языке. Не излишне было бы остановиться на лексикализовавшихся формах взаимного, понуцительного залогов (ср. *дейшмяк* «сориться», *галдырмак* «поднять» и т. д.).

В грамматике наблюдается иногда, с нашей точки зрения, неправильная трактовка тех или иных грамматических категорий. Так, неоднократно на страницах работы мы встречаем указание на то, что в «морфологическом отношении имена существительные и прилагательные ничем не отличаются» (стр. 84 и др.). Вряд ли авторы грамматики будут отрицать наличие в азербайджанском языке целого ряда морфологических показателей для имени прилагательного. Конечно, справедливо и то, что формальное разграничение между существительным и прилагательным можно провести не всегда, но отрицать его совсем было бы неверно. Вместе с тем авторы допускают противоречие. Качественные прилагательные типа *яши* «хороший», *хундур* «высокий» считаются «подлинными прилагательными» (стр. 122). В отношении этого типа прилагательных мы разделяем точку зрения Н. К. Дмитриева, с предельной ясностью изложенную им в его Грамматике башкирского языка: «...качественные прилагательные тюркских языков, строго говоря, можно было бы обозначить такой формулой: „прилагательно-существительно-парче“. Само собой разумеется, что в таком виде эта формула приемлема только для отдельного слова, стоящего вне предложения, ... в предложении же это слово осознается по какой-нибудь одной из трех указанных выше возможностей». И дальше: «...в башкирском языке (как и в других тюркских) категории качественных и относительных прилагательных являются неграмматическими категориями»¹.

В разделе, посвященном категории наклонения, непонятна причина отнесения к категории желательного наклонения конструкции с модальным словом *хэрэк*, явно тяготеющей к категории долженствовательного наклонения (стр. 204).

В грамматике постоянно смешивается условное наклонение с условной модальностью (стр. 202 и др.). С другой стороны, от разнообразных форм модальности не отграничивается категория времени (стр. 199, 200, 202). Так, прошедшее время на -мыш отожествляется с модальностью на -мыш. Образования типа *билдирмиш*, *билмишмиш* рассматриваются как самостоятельные формы прошедших времен. Авторы не учитывают, что аффикс модальности -мыш, присоединяясь к разнообразным временным основам, имеет исключительно модальное значение, сообщая оттенок неуверенности в совершении действия, проницательного отношения к совершению действия и т. д. Вызывает недоумение, что на стр. 266 союз *ки* рассматривается как аффикс: «Эти союзы (речь идет о русских союзах *лишь*, *лишь только*) могут быть переданы по-азербайджански и аффиксом -ки, стоящим при сказуемом, выраженном глаголом. Ср. *Музаллим китабы алмышды ки, ушаалар сакит олдулар өз гезрати динләмэй хаазырашдылар*».

¹ Н. К. Д м и т р и е в. Грамматика башкирского языка, М.— Л., 1948, стр. 84.

Читатель вправе требовать от составителей грамматики более глубокой и научной постановки в отношении целого ряда вопросов. Очень поверхностный характер носит раздел, посвященный фонетическому строю сравниваемых языков. Характеристика специфических гласных обоих языков сводится фактически к описанию условий их образования. Это, конечно, важно и нужно. Однако интерес представило бы и описание их позиционного употребления. Нам представляется, что необходимо было бы остановиться на позиционном употреблении таких гласных звуков, как *э, о, у, е, ү*. Авторы обошли в грамматике и такую главнейшую особенность азербайджанской фонетики, как сплгармонизм. Не ставится вопрос о дифтонгах и долгих гласных.

В разделе «Повелительное наклонение» (стр. 201) не затрагиваются вопросы о модальных оттенках, императивных словах, сообщающих формам повелительного наклонения модальные оттенки решительной воли, приказаний, допущения действия. Ставя вопрос о предлогах, следовало бы показать, когда им на азербайджанской почве соответствуют послелогии, а когда система надежных аффиксов. В целом удачно построен раздел, посвященный союзам. Однако не отмечена возможная многозначность в отношении азербайджанских союзов (ср. союз *ки*). Когда говорится об азербайджанском соответствии русским союзам *чтобы, дабы*, отмечается только союз *үчүн*. Надо было бы упомянуть и о конструкции союза *ки* с формой повелительного, желательного наклонения.

Весьма конспективно изложен раздел «Бессоюзное сложноподчиненное предложение» (стр. 373—374). Не показаны возможные средства связи между предложениями, входящими в состав бессоюзного сложноподчиненного целого. Не в полной мере вскрываются грамматические средства соединения предложений и в союзных придаточных предложениях. В придаточных предложениях условных не указывается на существование закономерности в употреблении времен. Вызывает недоумение, почему в грамматике не рассматривается тип придаточных предложений относительных. По нашим наблюдениям, этот тип существует в обоих языках.

В пределах одного раздела авторы обнаруживают иногда непоследовательность в выделении тех или иных положений. При выделении одних видов придаточных предложений учитывается роль соотносительных слов (ср. придаточные сказуемые — стр. 361), а при других — не учитывается (ср. придаточные сравнительные — стр. 363, придаточные следствия — стр. 365).

Большим упущением в рецензируемой работе нам представляется то, что авторы четко не ограничивают ту или иную грамматическую категорию от неграмматических средств передачи ее на материале сопоставляемого языка.

Иногда под то или иное русское предложение подводится несколько возможных азербайджанских эквивалентов. При этом не учитывается, что эти азербайджанские соответствия не тождественны между собой, а каждый имеет особые дополнительные оттенки. Так, на стр. 268 в связи с русским предложением *Всякое дело надо делать хорошо, как можно за него* приводится несколько возможных азербайджанских соответствий, которые, однако, не тождественны и нуждались бы в пояснении.

Своими критическими замечаниями мы не хотим умалять ту практическую пользу, которую принесет истинная грамматика как работникам средней и высшей школы, так и переводчикам. Наша задача — помочь авторам устранить в следующем издании этой грамматики недостатки и улучшить первое издание.

Н. З. Гаджиева

«Известия Крымского нед. ин-та им. М. В. Фрунзе». Т. XIX. Кафедра русского языка. — Симферополь, Крымиздат, 1954, 395 стр.

Среди трудов педагогических институтов, изданных в последнее время, хорошее впечатление оставляет сборник, подготовленный кафедрой русского языка Крымского педагогического института. В сборник вошли работы четырех языковедов, посвященные вопросам грамматики, истории русского литературного языка и стилистики, лексикологии и методике преподавания русского языка. В. Н. М и г р и н выступил со статьей «Разные виды трансформации придаточного и главного предложений в русском языке», А. И. Г е р м а н о в и ч поместил три статьи: «Заметки о языке и стиле Н. В. Гоголя», «Слова кличка и отгона животных в русском языке» и «Из наблюдений над словарной работой в школе», В. П. У т к и н о й принадлежит статья на тему «Лексика ранних повестей Н. М. Карамзина» и В. Н. М и х а й л о в у — «Язык романа А. С. Пушкина „Евгений Онегин“ (Из опыта работы в школе)».

Статья В. Н. М и г р и н а «Разные виды трансформации придаточного и главного предложений в русском языке» состоит из трех глав. Первая глава посвящена